

ВАСИЛИЙ КАЛИННИКОВ

ющим письмом: «Симфония Калинникова — высокоталантливое произведение и новое доказательство блестящей одаренности русского народа в области музыки. Оригинальная композиция интересует меня живейшим образом, и я охотно выражаю готовность руководить ее первым московским исполнением. Желаю ей величайшего успеха».

Действительно, успех был величайший. И все равно Сафонов, тогдашний руководитель концертов Московского отделения Русского музыкального общества, снял запрет на эту симфонию лишь после смерти композитора.

При жизни Калинникова всего 15 раз прозвучала в концертах его соль-минорная симфония, из них 5 раз за рубежом, и всегда с неизменным успехом.

«Самое большое удовольствие нам вчера доставила симфония соль минор Калинникова», — пишет в «Le Figaro» французский критик Альфред Брюно после состоявшегося 11 октября в Париже симфонического концерта под управлением Виноградского. (К слову, в тот вечер вместе с симфонией Калинникова исполнялась Третья симфония Чайковского, симфоническая поэма «Ночь на Лысой горе» Мусоргского, балетная музыка Глинки и другие произведения русских композиторов.) — Вся она как бы окутана пеленой грусти, которая рассеивается в конце симфонии, обнаруживая ее теплоту и жизнеутверждающую силу. Это действительно русская симфония, свободная по форме, и хотя в ней не используются народные темы, она носит подлинно народный характер. Мне сказали, что автор ее молодой человек. Ему никто аплодировать не будет залогом его дальнейшего успеха».

За год до этого Василий Калинников записывает в своем дневнике: «В семье я счастлив, жена моя любит меня и подходит к моим убеждениям и взглядам и живет моими надеждами; арену деятельности я себе избрал и чувствую себя на своем месте — больше того — я люблю музыку до безумия и не могу без нее жить и, наконец, труд меня еще не утомил, и я жажду его. А все же я страдаю и страдаю потому, что не имею самого необходимого — вредств к жизни. Грустно!»

Грустно и сейчас читать эти строки того, чья музыка и поныне играет неуязвимыми красками жизни — и обе симфонии, и сюита, и романсы на стихи Пушкина, Плещеева, Никитина, Гейне, и симфоническая картина «Кедр и пальма», насквозь пронизанная страстным стремлением к светлоте, брезжущему где-то в неясной дали идеалу...

Омытый буйными июльскими дождями проселок и дремлющие в лучах дальнего заката ивы, первая сизая оттепель и жаркий предсмертный багрянец осенней листвы — гимн русской природе, русскому духу звучит в музыке Калинникова, заключающей в себе высшую программу — воспеть величие нашей родной земли.

Наталия КАЛИНИНА

Н Е ОДНУ версту отмахал пешком мальчик Вася Калинников, уроженец села Воины Мценского уезда Орловской губернии. По пыльным накатанным дорогам, затейливым овражным тропкам, а то и напрямик — лугами, полями, приминая босыми пятками самотканый буйно-цветастый ковер диких трав. Вдвоем с отцом, станковым приставом, не раз случалось ему трагист в пропыленной тележке, держащей путь во Льгов, Дмитровск или же в тургеневское Спасское-Лутовиново, где Сергей Федорович вел неспешные деловые беседы с самим хозяином. И домой приходилось возвращаться уже под бесчисленными золотыми звездами, которые, как писал Тургенев, «казалось, тихо текли все, наперерыв мерца, по направлению Млечного Пути, и, право, глядя на них, вы как будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бег земли...».

Семья Калинниковых жила дружно, дети в достатке получали родительское тепло, ласку, заботу, и от этого легче переносились материальные невзгоды. Старший, Вася, как и все первенцы в русских семьях, уже с малых лет чувствовал на себе ответственность за судьбу своих братьев и сестры. Все без исключения Калинниковы отличались музыкальностью, хотя, вероятно, это слово не было в ходу в селе Воины. Просто здесь все пели, пели слаженно, сердечно: и русские песни, и городские романсы, и даже церковную музыку Бортиянского, испытывая неизбывную потребность излить душу в звуки. Сергей Федорович долгое время пел в приходской церкви, и каждый год в хор певчих вливался новый звонкий голосок еще одного из его подрастающих детишек. В слушателях, надо сказать, не хватало не было — «...каждому хочется хоть на паперти постоять, хоть под окном на пеклом жару или на трескучем морозе послушать, как органит октава, а заносистый тенор отливает самые капризные варшавки (в Орловской губернии певчие так называют форшляги)», — пишет другой великий земляк Калинникова — Николай Лесков.

То неосознанное стремление к музыке, которое все сильнее овладевало душой Васи, разгадал земский врач Александр Васильевич Евланов, человек добрейшей души, страстный любитель всех искусств. Это он научил мальчика основам нотной грамоты, познакомил с музыкальной литературой, увлек книгами. Позднее, когда семья Калинниковых переехала в Орел, Вася подолгу гостил летом у Евланова в Воинах, где принимал самое живейшее участие в домашних концертах.

«...В воскресенье (3 июля) мы даем концерт с Александром Васильевичем в присутствии порочного числа лиц, знакомых

Александра Васильевича. Будет участвовать в концерте и Николай Алексеевич Никольский, который пропоеет несколько романсов из «Ивана Сусанина», «Чуют правду» и «Не томи, родимый». В последней пьесе я буду играть на флейте Собинина, Александр Васильевич на скрипке Антонида, а Николай Алексеевич пропоеет партию Сусанина. В субботу репетиция», — рассказывает Вася в письме к отцу.

В ту пору Калинников учился в Орловской духовной семинарии, которую успешно окончил весной 1884 года, но священником, как видим, не стал, хотя семейные традиции благоприятствовали духовной карьере (мать, Ольга Ивановна, происходила из семьи сельского дьякона). Евланов настаивал, чтобы Василий непременно ехал в Москву, в консерваторию, и, казалось бы, нет к тому препятствий, если не считать бедности. Отец, уловивший духовные устремления сына, обещал ему высылать каждый месяц по 25 рублей. Это обещание он держал до самой смерти.

Перед отъездом Калинников встретился случайно с помещиком Новосилцевым, давним знакомым семейства. «Пошли спроси и вопросы. Отправилсь вместе гулять. Новосилцев желал мне успеха в консерватории и между прочим задал такой вопрос: «Что за фантазия пришла тебе ехать в консерваторию?» Я отвечал, что это была моя заветная мечта, ибо я люблю музыку больше своей жизни. «Это все так, молвил он, но ведь путь рискованный: Глинкой ведь не будешь (улыбка и смех)!» Я сказал, что правда, я Глинкой не буду, да и не могу им быть, ибо моя фамилия Калинников. Он рассмеялся и похвалил меня за остроумие», — напишет в письме к отцу будущий студент консерватории.

В письмах Калинникова консерваторского периода, ярких и подробных, как жанровые зарисовки Кустодиева, нашел свое отражение московский музыкальный (да и не только музыкальный) быт конца прошлого столетия. Неустроенная, кочевая (с квартиры на квартиру) жизнь, материальные невзгоды — все это не мешает юному Калинникову с одержимостью проголодавшегося вгрызаться в учение: овладевать игрой на фаготе, чтобы зарабатывать на кусок хлеба, играя в театральных оркестрах; бегать по театрам и концертам, постигая необъятный музыкальный космос; вникать в секреты игры на фортепиано, этом универсальном инструменте, заменя-

ющем композитору оркестр. Уже тогда, в ранней юности, сложились четкие пристрастия: Глинка, Серов, Даргомыжский, Чайковский. В особенности Чайковский.

«...Слов недостает, чтобы выразить то, что я чувствую», — пишет Калинников в письме к отцу в сентябре 1884 года после спектакля «Мазепа», которым дирижировал сам автор. — Скажу только, что вообще музыка Чайковского это моя любимая музыка и замечательно еще то, что я ее лучше других понимаю». И в другом письме к отцу: «Замечательно, что мой вкус — вкус Чайковского, его музыка — моя музыка».

Это вовсе не значит, что Калинников-композитор старался в своем творчестве подражать Чайковскому. Ему предстояло сказать свое, особое слово в музыке, пусть не такое громкое, как у его великого соплеменника Чайковского, но не менее задушевное, убедительно-искреннее, излучающее немеркнущий свет.

Мало кому из русских, отдавших свою жизнь творческому горению, не приходилось «вывертываться из когтей суровой прозаичной жизни». Но трудно найти другого художника, за которого бы так крепко цеплялись эти когти, как за Василия Калинникова, — до самого последнего дня жизни. Но ни на единое мгновение не раскаялся он в том, что предпочел голодную, неустроенную жизнь российского музыканта спокойной, безбедной карьере сельского священника. Горечь материальных неурядиц, жестокая чахотка, сведшая Калинникова в могилу на пороге тридцатипятилетия и омрачавшая его дни почти пятнадцать лет, — все это не могло затмить света, который источала его жизнерадостная душа. Его музыка светла, искриста, щедро душевным теплом. И даже минор звучит не безысходно: нет-нет да вкрапляются в него радостные всплески, возмещающие о том, что жизнь человеческая богата радостями. А то вдруг берет в полон привольная русская песня, то ли подслушанная во времена детства, то ли созданная самим композитором, выходящем из гущи народной...

В самом начале творческого пути Калинникова состоялась незабываемая встреча с Чайковским. Уже смертельно больной композитор рассказывает об этих светлых минутах в письме к другу и наставнику Семену Николаевичу Круликову: «Невольно я вспоминаю то удивительное внимание и симпатичнейшее отноше-

ние ко мне покойного П. И. Чайковского, которое он оказал мне в 1892 году, тогда еще совершенному юнцу, при конкурсе на дирижера в Малый театр, когда я выступал перед ним с своей молодой, совсем ученической сюитой. Этих минут я до смерти не забуду и я помню, что тогда они дали мне чертовский прилив сил, энергии...». Чайковский со свойственным ему вниманием и заботливостью к молодежи выразил желание просмотреть партитуру сюиты дома и полностью одобрил творческие устремления начинающего композитора.

Уж кто-кто, а Чайковский сумел бы по достоинству оценить Первую соль-минорную симфонию Калинникова, сполна бы насладился неповторимым, так и хлынувшим со страниц партитуры ароматом свежих покосов и луговых цветов, в чьих лепестках радужится утренняя роса, степных разливных рек и дурнопахнущих оврагов — этим неповторимым ароматом родной русской земли.

Но ко времени завершения этой симфонии уже не было в живых Чайковского. Музыка Калинникова по какой-то нелепой превратности судьбы не попала в поле зрения Владимира Стасова, горячего почитателя национального направления в русском искусстве. Не поняли симфонии и петербуржцы — Римский-Корсаков и Глазунов. Она прозвучала лишь через два года в Киеве, в концерте местного отделения Русского музыкального общества под управлением А. Н. Виноградского. Успех превзошел все ожидания. Посыпались просьбы исполнить симфонию в очередном концерте сезона. Тогда Виноградский, пользуясь благоприятной минутой, рассказал публике о материальных бедствиях молодого композитора. Тут же была пущена по кругу шапка, и за несколько минут набралось 1100 рублей, которые Виноградский выслал Калинникову вместе с письмом, описывающим успех симфонии. И то, и другое оказалось как нельзя кстати.

Но Петербург и Москва остались равнодушны к успеху симфонии. Дирекция Московской филармонии на всякий случай отравила партитуру симфонии в Штутгарт известному немецкому дирижеру Герману Цумпе, который собирался приехать на гастроли в Москву в декабре 1897 года. Мазетто тут же откликнулся следу-